

Утверждение: Размышления о будущем человеческой судьбы.

Первая том. Последние дни на Земле

Содержимое еще обрабатывается, пожалуйста, подождите немного.

Два юноши

Кто-то говорил, что нынешний мир — не более чем увядшие цветы на пепле прошлой цивилизации.

Другие утверждали, что руины тех цивилизованных эпох некогда были свидетелями сошествия богов.

И тогда некоторые люди с непоколебимой уверенностью уверовали в то, что конец науки — это теология. Ради поиска следов божественного они окончательно сошли с ума.

Слышали ли вы?

В глубинах Марианской впадины раздается этот манящий шепот.

Видели ли вы?

За Восточным морем, у края Пустоты Гуйюй, дрожит этот призрачный силуэт.

Я видел.

Я видел!

В трех тысячах морских миль от суши, на поверхности моря близ Шаньдунского полуострова, неспешно плыло научно-исследовательское судно.

Чернильно-темная гладь воды хранила безмятежность.

В чернильно-темных морских глубинах ревели буруны.

Зловещие черные тени медленно перемещались.

На носовой палубе мужчина в белом халате в упор вглядывался в морскую гладь.

Там отражалась еще одна круглая луна.

— Я непременно отыщу тебя. О боже! Я твой преданный слуга!

Но в следующее мгновение море забурлило, словно кипяток, из-под воды хлынули брызги крови, ударил в нос удушливый смрад. Вмиг научно-исследовательское судно накрыло внезапно поднявшееся гигантское волнение, и оно бесследно сгинуло в бескрайней пучине.

Шестнадцатого июля 2056 года Соединенные Штаты развязали войну в Азии и во второй раз в истории человечества применили ядерное оружие. К тому моменту разрушительная сила ядерного арсенала возросла в тысячи раз по сравнению с показателями столетней давности, и

свирепые ядерные взрывы стерли с лица земли множество уголков мира. Вдобавок к этому двадцатью годами ранее рухнуло Парижское соглашение, и парниковый эффект в глобальном масштабе резко усилился: Азия, Европа, Африка, Северная Америка, Южная Америка и Океания — все были затоплены безжалостными океанскими цунами.

Спустя три года вода отступила, но человеческая цивилизация оказалась почти полностью уничтожена. Выжившие люди основали в Гималаях Альянс Инспекционного Фронта. Желая избежать ударов остаточных волн цунами, Альянс возвел на пике Джомолунгма — Небесном столпе — Земно-Лунный Туннель, прозванный Цзюэди Тяньтун. Задействовав единственную космическую станцию Китая на орбите — Тяньгун-9, они надеялись связать Землю и Луну воедино в расчете на то, что удастся добраться до лунной поверхности и гарантировать сохранение семян человечества.

7 сентября 2076 года Земно-Лунный Туннель готовился к своему первому рейсу. Первое командование Альянса во главе с Китаем получило приказ осуществить первый поход, разведать путь впереди и подготовить почву для высадки остальных на Луну.

Общая протяженность Земно-Лунного Туннеля составляла 400 тысяч километров. Перемещение по нему осуществлялось за счет вакуумной транспортировки, и до пункта назначения требовалось добираться двенадцать дней, шесть часов и тридцать семь минут.

Глава Первого командования Чжао Цзэ, 28 лет, бывший спецназовец пограничных войск Цинчзана, с самого начала великого цунами выполнял секретное задание Центрального командования в Гималайских горах. К настоящему моменту он уже являлся самым молодым начальником отдела в командовании Альянса. Из-за долгого пребывания в суровых высокогорных условиях его лицо слегка покраснело, кожа была смуглой, но глаза сияли ярче звезд. По словам его старого командира Наригэрлэ, они напоминали воды озера Цинхай.

Облаченный в тяжелый защитный костюм от холода, он стоял у входа в туннель и задирал голову вверх.

— Начальник, на что смотрите? — В глазах рядового часового Ли Дуокая читались гордость и восхищение. Этот человек был самым молодым и перспективным воином среди всех их выживших сородичей — в свои двадцать восемь лет он уже занимал пост командира целого департамента.

Чжао Цзэ глубоко вздохнул и произнес:

— Смотрю на Луну.

— Луну? — Пятнадцатилетний рядовой часовой Ли Дуокай проследил за его взглядом в небо, но не увидел ничего, кроме крошечной тьмы. После мощного ядерного взрыва и великого цунами Луну удавалось разглядеть крайне редко.

— Где тут Луна?

Чжао Цзэ усмехнулся, и его дыхание вырвалось в морозный воздух туманными ледяными кристаллами:

— Цзюэди Тяньтун, Сяо Кай, знаешь ли ты, что это значит?

Ли Дуокай покачал головой.

Чжао Цзэ посмотрел на этого юношу — лицо паренька покраснело от горного ветра, зато глаза горели ярко. Он похлопал его по макушке и с улыбкой пояснил:

— В глубокой древности гора Куньлунь соединяла Небо и Землю, а позже божества ради упорядочения небесного и земного порядка срубили небесную лестницу. С той поры Небо и Землю больше ничто не связывало, потому это и называют Цзюэди Тяньтун — Разрывом связи между Небом и Землей.

— Ха, тогда мы сейчас круче всяких богов! Мы творим новую историю! — восхищенно выдохнул Ли Дуокай. — Пик Джомолунгма — это же новая небесная лестница! Кто бы мог подумать, что мы, китайцы, воздвигнем такое чудо!

Они задрали головы. Пик Джомолунгма горделиво уходил в облака; вход в туннель был прорублен от самого подножья вверх, напоминая гигантскую дымовую трубу — о нет, это высочайшая горная вершина мира превратилась в исполинскую трубу! На отметке 8848 метров красовался вертикальный коридор из титанового сплава, соединявший Землю и Луну подобно серебряному кровевному сосуду, что стягивал воедино две планеты. И пусть самой Луны разглядеть не удавалось, каждый знал: конец Земно-Лунного Туннеля находится именно там!

В Альянсе ходила байка, будто в соединенном виде Земля и Луна напоминают засахаренные фрукты на шпажке — танхулу. Впрочем, Ли Дуокай никогда не видел танхулу, зато ему казалось, что конструкция смахивает на гантель для тренировок из аванпоста.

— Начальник, мы что, и правда сможем отправиться жить на Луну? — задал вопрос Ли Дуокай не из недоверия, а от благоговейного изумления и невероятности происходящего. В конце концов, на Луне ведь не было кислорода, да и сила тяжести совершенно иная. Ему исполнилось всего пятнадцать, и не будь ядерной войны и великого цунами, он наверняка сидел бы за партой в обычной средней школе провинции Цинхай и грыз гранит науки.

Чжао Цзэ тяжело кивнул:

— Разумеется! Мало того, что мы отправимся жить на Луну, мы еще и создадим там новую базу, возведем там точно такой же новый туннель и свяжем Луну с остальными планетами. Сяо Кай, человечество никогда не отчаивается, а сыны Китая вовеки способны сотворить надежду среди отчаяния. Запомни это раз и навсегда.

Слова Чжао Цзэ возымели действие: Ли Дуокай вспыхнул румянцем, расправил плечи, а стоявший за его спиной метровый автомат замер, точно обнаженный меч — китайский меч.

Чжао Цзэ был его кумиром, а слова Чжао Цзэ — его верой.

Когда наступает конец света, лишь вера дарует надежду.

— Ладно, добровольческий отряд вот-вот подойдет, — проговорил Чжао Цзэ.

Вдалеке посрокотал глухой рокот горных пород, и в толще серых скал отворилась каменная дверь — стометровая в высоту, массивная и величественная. Из нее стройным рядом вышла группа из двадцати человек.

То был добровольческий отряд. Поскольку речь шла о первичном рейсе, ради обеспечения безопасности участников набирали на добровольной основе. А командиром отряда добровольцев выступал сам глава Первого командования Чжао Цзэ. Проследив за приближением строя, он развернулся и отдал воинское приветствие:

— Смирно!

Громко скомандовал он:

— Вольно!

Двадцать добровольцев хранили абсолютное молчание, на крыше мира эхом отдавался лишь чеканный, синхронный шаг.

— Докладываю капитану: добровольческий отряд в полном составе построен.

Заместитель командира Чэнь Фэн, смуглолицый крепкий мужчина лет тридцати пяти-шести, стоял во главе шеренги и звонко отапортовал Чжао Цзэ.

— Отлично. Господа, через полчаса мы ступим на новый путь. Если сейчас кто-то передумает отправляться, можете заявить об этом напрямую — никто вас не осудит!

В отряде воцарилась короткая пауза, после чего Чэнь Фэн громко произнес:

— Докладываем командиру: мы полностью готовы и отступать не намерены.

— Прекрасно. — Взгляд Чжао Цзэ по очереди скользнул по лицам каждого: — Первый рейс Земно-Лунного Туннеля... Мы выступаем в роли авангарда и несем на плечах величайшую ответственность. Товарищи, приготовиться к отправлению!

— В путь! — Добровольцы вновь слаженно двинулись ко входу в туннель.

Взгляд часового Ли Дуокая был непреклонен и горд. Он провожал взглядом проходящих мимо людей, губы его чуть подрагивали, а в глазах мерцал слабый свет, однако спина оставалась прямой, точно красное копьё с кистью.

Чжао Цзэ шел в самом хвосте. Поравнявшись с Ли Дуокаем, он бросил:

— Ну всё, ступай обратно, скоро грянет ливень.

— Начальник, я не боюсь.

Чжао Цзэ похлопал его по плечу:

— Я знаю, что ты не боишься, но запомни: судьбы человечества лежат на ваших плечах, и никогда не совершайте бессмысленных жертв. Лишь оставшись в живых, обретаешь надежду.

— Есть! — тяжело сглотнув, кивнул Ли Дуокай. Слова Чжао Цзэ были его верой; отдав воинское приветствие, он легкой трусцой направился к массивной каменной двери.

Чжао Цзэ глубоко вздохнул и шагнул в зев туннеля.

Через щель в каменных створках Ли Дуокай заметил, как фигура Чжао Цзэ растаяла во мраке входа, а мгновение спустя до него донесся разрывной грохот звуковой волны. Пик Джомолунгма затрясло так, будто началось легкое землетрясение, и спустя пару дыханий все звуки стихли окончательно.

Сердце Ли Дуокая колотилось от переполнявших его эмоций. Но еще больше его озадачивало то, что на столь эпохальную миссию не явился проводить ни единый представитель высшего

руководства.

Странно донельзя.

Трусы, сплошные трусы. Подумалось ему.

В конце концов, снаружи стоял жуткий холод.

Такой, что отлить — и струя тут же обратится в ледяную сосульку!

— Эй, дурачок, чего застыл? Скоро ливень хлынет, хорош тут торчать, пошли цунами глазеть!

К нему подбежал паренек ровесник Ли Дуокая, укутанный в массивный синий пуховик и серые пушистые наушники огромного размера, закрывавшие половину лица — виднелись лишь узкие, раскосые, точь-в-точь как у тибетской лисицы, глаза.

Ли Дуокай, казалось, даже не услышал его, бормоча себе под нос:

— Как же я тоже хочу туда отправиться!

— Что за чушь несешь! И впрямь дурак! — Паренек, одетый капустой, приник к щели в воротах, с сомнением цокнул языком: — Кто ж знает, какие там опасности поджидают. Я-то теперь умом тронулся: живешь день — и слава богу, отдавать свою шкуру кому бы то ни было куда глупее, чем приберечь для себя.

Он обернулся, заглянул в лицо Ли Дуокая и шлепнул его по щеке, словно резиновый мяч: — Балбес! Думаешь, пост самого молодого начальника так просто достается? Не смотри, что этот Чжао Цзэ весь из себя сияет, по мне так — еще бабушка надвое сказала, выживет ли он в этот раз! Сорок тысяч километров Земно-Лунного Туннеля... кто знает, на какие напасти нарвешься. Сдается мне, этот премьерный полет — сплошной эксперимент! Эксперимент, сечешь? Те люди — просто подопытные крышки, отец мне открытым текстом говорил: верхушка отдала приказ, ехать обязательно. Подумаешь, добровольцы, красиво стелют! Время-то какое на дворе, ничто не дороже собственной шкуры! Они просто дураки!

На его лице застыло выражение глубокого презрения, смешанного с пресловутой пронизательностью человека, познавшего жизнь.

Ли Дуокай слегка нахмурился:

— Хэ Буфань, если продолжишь молоть чепуху, я с тобой церемониться не стану!

И он демонстративно качнул висевший на плече автомат.

— Ха-ха! Ну ты и круглый дурней! Ладно, никогда не пробуй добудиться того, кто притворяется спящим. Погнали, идем смотреть на цунами! — Хэ Буфань потащил Ли Дуокая за собой, устремляясь в протянувшийся сзади коридор.

Тела мальчишек были укутаны в тяжелые ватники, однако бегу совсем не мешало.

Молодая плоть пылала неиссякаемой энергией.

Это кто-то другой нес груз впереди.

Они находились внутри горного массива пика Макалу, принадлежавшего Четвертому

аванпосту Альянса Инспекционного Фронта. После образования Альянса в Гималаях возвели пять аванпостов: Первый — на пике Шишапангма, Второй — на пике Чо-Ойю, Третий — на пике Лхоцзе, Четвертый — на пике Макалу и Пятый — на пике Джомолунгма.

За исключением пика Джомолунгма, в четырех остальных теплилась человеческая жизнь, а Пятый аванпост на Джомолунгме после прокладки Земно-Лунного Туннеля стали именовать необитаемым.

Преодолев метров триста по проходу, Ли Дуокай и Хэ Буфань приблизились к тяжелой стальной двери высотой в два с половиной метра и шириной в два. Сканирующее устройство у входа считало их лица, раздался мелодичный звонок, и створка отворилась.

В лицо пахнуло волной жара, и Хэ Буфань торопливо стянул с себя увесистый пуховик, прижав его к груди. Означившееся юношеское лицо с тонкими бровями и выразительными глазами расплылось в улыбке, устремленной на Ли Дуокай.

Следом и Ли Дуокай сбросил верхнюю одежду и шапку, держа их в руках. Перед ними предстало чистое, одухотворенное лицо: глаза юноши напоминали черное стекло, отражая в своей глубине каждого, на кого он смотрел. Кожа казалась едва ли не бледной, фосфоресцирующей, словно на нее падал отсвет уличных снегов. Тонкие губы были плотно сомкнуты, выдавая мальчишеское упрямство.

Кунь

За железной дверью скрывался лифт, курсировавший со сто девяносто восьмого этажа — от B99 до A99. Хэ Буфань сорвал с шеи небольшую квадратную карточку с выгравированными на ней личными данными и приложил ее к считывателю на уровне этажа A45. Лифт взмыл вверх с невероятной скоростью, и минуту спустя оба шагнули на площадку.

Уши наполнил гулкий гам. Ли Дуокай чуть поморщился: в просторном сводчатом холле сновала разношерстная толпа, напоминая огромный торговый центр. Казалось, пережившие катастрофу люди начисто позабыли о недавнем кошмаре и вовсю наслаждались беззаботной жизнью. Хэ Буфань, волоча за собой Ли Дуокай, продирался сквозь гомонящую массу. Вдоль галерей многие провожали находившуюся в их руках одежду алчными взглядами, но стоило им приметить оружие Ли Дуокай, как глаза зевак мгновенно обретали осторожное выражение.

— Дорогу! Расступись! Не стой на пути у честных людей! — надрывался Хэ Буфань.

— Хэ Буфань, потише! — осадил его Ли Дуокай. — Куда ты спешишь?

— Спешу! Еще как спешу, из-за тебя, балбеса, я чуть не пропустил просмотр цунами! Хей, сейчас покажу тебе классную штуку, я отхватил ее за баснословные деньжищи!

Протолкнувшись сквозь ряды зевак, они наконец достигли металлической решетки, перед которой выстроилась порядочная очередь. У заграждения дежурил растрепанный, небритый старик. Он молча принимал из рук каждого какую-нибудь утварь — по большей части съестное, но попадались и предметы первой необходимости.

С наступлением сумерек прежняя денежная система давно рухнула, и для нынешнего люда не существовало ничего ценнее утилитарных вещей. Естественно, еда и одежда ценились превыше всего! Следовательно, основой рынка стал натуральный обмен. А единственным

правилом торговли являлось деление на нужное и ненужное.

Настал черед Хэ Буфаня. Он вытащил из-за пазухи две бутылки с маринованным йодным молоком яка, швырнул их вперед и таинственным голосом произвел:

— Старик Гао, то, что я просил, готово?

Старик Гао приподнял осоловелые веки и тихонько хмыкнул носом:

— Мальчишка Хэ, а то, что просил я, ты приготовил?

— Разумеется! — Хэ Буфань огляделся по сторонам и украдкой сунул в рукав старика карточку.

— Старик Гао, пропускной картой разрешено пользоваться лишь сутки, завтра в это же время вернешь мне ее обратно.

Прищурившись, старик бросил взгляд на содержимое рукава, и его лицо озарилось довольной улыбкой:

— Не сомневайся.

С этими словами он снял с полки за спиной и вручил Хэ Буфаню две черные телескопические удочки специальной конструкции.

Однако взгляд его тотчас упал на Ли Дуокая, и старик ехидно ухмыльнулся:

— Парень, иметь такого дружка — поистине благословение, намоленное в прошлых жизнях!

Хэ Буфань хихикнул и потащил Ли Дуокая внутрь.

— Хэ Буфань, отдавать ему пропускную карту — это точно хорошая идея?

— А то какая же! Завтра заберу обратно! Держи! — Он сунул одну из удочек в руки Ли Дуокая.

— Погнали, на рыбалку!

Ли Дуокай оглядел снасть в руке, недоуменно моргая:

— И как этой хреновиной пользоваться?

— Совсем отупел! — ухмыльнулся Хэ Буфань. — Рыбачить, шевели клешнями, не тяни! На месте разберешься!

Вслед за толпой они проследовали по круглой каменной галерее. С черных стен срывались капли воды, звонко падая в желоба у основания и устремляясь по трубам вдалеке. Сие входило в систему сбора воды — в конце концов, в чреве горы любые ресурсы ценились на вес золота, а влага особенно.

Наконец впереди забрезжил синеватый свет.

На лице Хэ Буфаня отразилась радость, шаги его участились, да и Ли Дуокай ощутил прилив возбуждения.

Мгновение спустя перед ними предстал огромный кольцевой стеклянный коридор трехсотметровой длины. В стены были вмонтированы двадцатисантиметровые плиты закаленного стекла, сквозь которые открывался вид на внешний мир.

То был водный мир.

Яростные буруны колотили по стеклянному фасаду, являя взорам всю мощь неукротимой природной стихии.

Хэ Буфань и Ли Дуокай подошли к одному из оконных проемов в стеклянной стене. Назвать это окном было трудно — скорее рама с кнопкой. Стоило слегка нажать на нее, как вперед выдвигалась стыковочная труба. Хэ Буфань просунул туда удочку; она постепенно удлинялась, пока не зафиксировалась на отметке в двести метров, после чего труба издала щелчок, а пазы надежно закрепили удилище. Они засунули руки в ниши у проема, где обнаружились бронированные перчатки — по слухам, такие рукавицы позволяли скидывать многотонные тяжести.

Ли Дуокай проделал то же самое в соседнем проеме.

Как только все приготовления завершились, снаружи раздался оглушительный грохот. Пробиваясь сквозь массивную толщу стекол, звук казался Ли Дуокаю невыносимо оглушающим и болезненным. Но он не сводил глаз с происходящего за стеклом.

Климатические сдвиги, спровоцированные парниковым эффектом, уже невозможно было описать банальным словом изменение — это был настоящий катаклизм, переворот тысячеликих метаморфоз. Затопление сожрало бесчисленные земли, облик суши и морей перекроился, а следом переменились ветровые пояса и атмосфера планеты. Ли Дуокаю доводилось слышать, что в восточных регионах теперь простиралось сплошное бушующее море, где тысячи глаз бурь порождали тайфун выше двенадцатого балла, и казалось, они никогда не утихнут, пожирая всё на своем пути.

На севере, в прежней Сибири, океанские цунами из Северного Ледовитого океана стерли с лица земли неисчислимые хребты, и некогда великие горные системы вроде Большого Хингана навсегда погрузились на морское дно, обратившись подводными хребтами. Одновременно с этим в районе некогда существовавшего Датуна пробудились миллионолетние потухшие вулканы, извергнув тучи пепла, которые погрузили северные небеса во вечную тьму.

В небесах рокотали молнии, а по морской глади катились шаровые разряды.

И это лишь в Восточной Азии; что же до далекой Европы, то там в течение пяти лет после великого цунами все превратилось в исполинскую воронку-водосток. Существовали прогнозы, что этот водоворот постепенно поглотит всю воду и целиком втянет земные океаны в недра планеты. К тому моменту ядро Земли остынет, температура упадет до пятидесяти градусов ниже нуля, и планета окончательно превратится в холодную, безжизненную ледяную пустыню.

Впрочем, все это оставалось лишь слухами, а грандиозные перемены, рожденные парниковым эффектом, разворачивались прямо на глазах у Ли Дуокай. Гималаи изначально были самой высокой точкой крыши мира, отличаясь суровым, леденящим круглый год климатом, но теперь небеса будто прорвало: потоки воды хлынули водопадом, мгновенно вздымая бурные потоки селей меж гор, и надвигающаяся водная стихия сопровождалась раскатами громовых ударов.

— Тц-тц!